

Тихон Хренников и его время

Муз. обозрение. — 1993.
с. 111. — с. 8.

Хренникова били и справа, и слева, но несмотря ни на что, его продолжали выбирать... Одна из книг о Хренникове называлась претенциозно и даже банально — "Его выбрало время". Но кому судить — кто, кого выбирает и что выбирает? Всему свое время, всем свое время и свое время у каждого.

Кажется, становится традицией, что руководители, уйдя в отставку, пишут мемуары. И все с нетерпением ждут: какие же тайны он скрывал до сих пор и о чем расскажет? Ныне Москва полнится слухами о готовящейся к выходу книге воспоминаний Т. Хренникова — одного из удивительных, талантливых и загадочных музыкантов советской эпохи.

На вопросы редакции Т. Хренников отвечает П. Меркурьев.

— Почти год, а Вы не возглавляете СК. Как Вы себя чувствуете в стороне от дел? Сожалеете ли об этом?

— Никогда не чувствовал себя так великолепно, как сейчас. С меня сняты заботы, которых всегда много у тех, кто занимается общественными делами. Сейчас занимаюсь только своими личными делами. А самые главные из них — музыкальные. А все остальное ерунда. За последние два года я написал довольно много: Квартет, Сонату для виолончели, два вокальных цикла — Три соната Шекспира, Пять романсов на слова Бунина, 4-й фортепианный концерт с камерным оркестром. Сейчас завершаю 2-й квартет... У меня большие творческие планы, и поэтому я просто счастлив. — Вы работаете сразу над несколькими сочинениями параллельно, или полностью сосредотачиваетесь на одном?

— Бывает, конечно, что работаю параллельно. Но в основном сочиняю что-то одно, а то мало ли что может случиться — и останется неоконченное сочинение.

— Что Вы думаете о будущем Союза композиторов? Сможет ли существовать эта организация, нужна ли она в наше время?

— Все творцы стремятся к "затворничеству". Это естественно, творчество — дело индивидуальное. В то же время у всех творцов есть желание встречаться. Несмотря на то, что мы сейчас все живем, как говорится, "по своим куткам", при всей эгоцентричности каждого творца в отдельности, тяга к общению неистребима. Может быть, в будущем все композиторские организации теперь суверенных государств, протянут все-таки друг другу руки. Но для этого нужна определенная материальная база. И если СК сумеет выйти из кризиса, найдут деньги, чтобы существовали дома творчества, для проведения фестивалей, концертов, тогда СК будут существовать.

— Используют ли Ваш опыт нынешние руководители СК, советуются ли они с Вами?

— Они опытные люди, поэтому им никаких особых советов не надо. Да и что значит — "советы"? Старый опыт не во всем годен, жизнь подсказывает новые ходы-выходы. А это люди, которые знают, что сейчас надо добывать деньги, это главное (правда, добывая их, не растерять бы огромную собственность Союза). И тут все зависит от них самих. А советы не помогут, они копейки не стоят.

— Сейчас много говорят с Вашей книге, которая скоро должна выйти...

— Над книгой мы работали вместе с Валентиной Васильевной Рубцовой. Это умнейшая, талантливейшая женщина, она великолепно ориентируется в том, что было, и очень скрупулезно работает с документами. Так что все, что я говорю, подтверждается документами, публикациями в прессе, материалами из закрытых архивов, документами, связанными, например, с событиями 1948 года. И свой рассказ я доведу до августа 1991.

— "Предыстория" моей музыкальной жизни сведена в книге до минимума. Главное же в ней — то, что происходило с начала 30-х годов, как я только переехал в Москву. По сути дела, там вся история советской музыки. И многое рассказывается впервые. Молодые не все знают, старые же — либо многое забыли, либо не хотят вспоминать.

Конечно, я описываю период правления Сталина, рассказываю интересные эпизоды, которых никто не знает — ведь мне приходилось бывать на заседаниях Политбюро. Я не могу сказать, что эти материалы сенсационны, но они способны заинтересовать читателей, особенно музыкантов, которые просто не знают, что тогда происходило. Вот, например, Пленум Оргкомитета Союза композиторов 1946 года. Это невероятно интересное событие, которое по сути подготовило 48-й год. Там было то же самое, что и в 48-м, но делали это сами композиторы. Выступали, ругали друг друга...

— За 44 года Вашего руководства Союзом (особенно это касается "первой пятилетки": 1948-1953 годы), никто из членов СК не пострадал. Как Вам это удалось — сохранить всех, не "сдать" никого органам КГБ?

— Об этом я тоже рассказываю в книге. Понимаете ли... тогда было очень тяжелое время — борьба с космополитизмом... Но

много зависело от того, как руководитель себя ведет, и как он относится к своим коллегам. Тогда все эти "карающие" организации — КГБ, МВД — требовали официальных характеристик с места работы (а для творческих людей — композиторов, писателей, критиков это были их творческие союзы). И многие тогда погибли именно из-за отрицательных характеристик. Когда донос подкреплялся отрицательной характеристикой, то приговор оправдательным уже быть не мог. И человек или садился на много лет, или... исчезал навсегда, так сказать — "без права переписки". Так вот, Союз композиторов не дал ни одной отрицательной характеристики — нигде в архивах вы не найдете отрицательную характеристику, вышедшую из стен Союза композиторов.

А ведь были случаи арестов и у нас. Например, арестовали М. Вайнберга. Мы дали ему блестящую характеристику, написали, что он — выдающееся дарование, замечательный человек. Его тут же выпустили, он просидел всего несколько дней. И второй случай — на очень короткое время посадили композитора А. Веприка. И мы опять дали блестящую характеристику. Веприк был и талантливый композитор, и ученый.

Думаю, тогда еще играло роль то обстоятельство, что я только недавно вступил на пост руководителя организации, и что назначил меня сам Сталин. И когда я подписывал эти положительные характеристики, это имело значение.

Но был один случай, когда меня вызвали и пригрозили. Я пригласил в СК на должность зав. отделом пропаганды советской музыки Бетти Николаевну Глан (она отбыла срок и жила в Москве ей было запрещено). А я ее хорошо знал еще в то время, когда она была директором ЦПКИО имени Горького. Нам в СК был нужен настоящий работник по пропаганде, и я, помня, что у нее очень сильная пропагандистская жилка, встретив ее случайно в Иваново (кажется, в 1947 году), я пригласил ее на работу. Команданту Москвы, генерал-майору (не помню его фамилию), я сказал, что такой человек нам нужен, и он разрешил ей прописку в Москве. Бетти Николаевна начала работать. Но как-то на улице ее встретил один из "доброжелателей", спросил, как она здесь оказалась. Глан сказала, что ее пригласил Хренников. Ну, доброжелатель и "настучал", что Хренников поддерживает троцкистов, что чуждый элемент живет в Москве и так далее... А она была арестована из-за мужа (он был одним из руководителей югославской компартии. Его обвинили в троцкизме и, естественно, расстреляли, а ее сослали без права жить в крупных городах). Меня вызывают в ЦК, к Рюрикову — он был в отделе искусств — и он говорит мне: "Вы тут помогаете троцкистам, устраиваете их на работу". Я ответил, что не знаю, троцкистка она, или не троцкистка, я знаю Глан как великолепного работника. "Так вот, — сказал Рюриков, — мы запрещаем вам



Руза. Лето 1959. Фото Г. Кмит.

заниматься политической деятельностью, вмешиваться в политику, и хлопотать о политических противниках. Если вы еще будете поддерживать таких людей, будет поставлен вопрос о вас. Поскольку вы недавно в Союзе композиторов, это вам сходит с рук. А командант Москвы, который разрешил троцкистке прописку в Москве, с работы мы сняли".

Но, правда, это назидание Рюрикова мне не очень помогло, я и потом способствовал тому, чтобы вернулся из ссылки Николай Константинович Печковский — выдающийся тенор Мариинского театра, сосланный неизвестно за что. Я встретил его в Омске, он подошел ко мне — а мы были знакомы, он пел (и великолепно пел!) в моей опере "В бурю" — и попросил помочь ему вернуться в Ленинград. Я тогда обратился с письмом к Ворошилову — он был председателем Комитета по культуре при Совете Министров — в котором изложил эту просьбу, и сам пошел к Ворошилову на прием. Он на моем письме написал: "Разрешить". И Печковский вернулся в Ленинград, ему даже вернули орден Ленина.

Всегда, когда я мог кому-нибудь помочь — я это делал. Поэтому моя совесть абсолютно спокойна и честна. Я никогда не боялся. А ведь время было такое, что представить себе сейчас трудно. Каждый день в почтовом ящике я находил рисунки: я — на велосипеде, на электрическом стуле, или мне присылают пропуск на Новодевичье кладбище на собственные похороны — это каждый день! Или письма, что, мол, Тиша — лохух, что он связался с евреями... Вот такое время.

Поскольку я был тогда молодой, неопытный, "необстрелянный", на меня все это производило жуткое впечатление. Или меня приглашал к себе Сулов в ЦК и давал мне читать письма, написанные моими товарищами, с которыми я каждый день общался. Они со мной раскланиваются, улыбаются, а пишут на меня гадости такие, что просто невероятно! Со всякими схемами, как евреи купили Хренникова. Письма были подписаны, а я не имел права вида показать, что я знаю об этих письмах! Сулов мне сказал: "Я вам даю читать эти письма, чтобы вы

знали, кто вас окружает, с кем вы вместе работаете и что они про вас пишут". И после этого я должен был им улыбаться. Ведь они работали со мной! И мне улыбались! Я не хочу называть сейчас их фамилии...

— Как Горбачев: "Всего я вам никогда не скажу"? Нет! Просто некоторые из них живы. А я не хочу никому доставлять неприятностей, тем более — мстить.

Я пережил это все. Я в полном смысле умер тогда. Я год не работал. Я не мог ходить, не мог дышать. У меня все разладилось, все отказало. Клара вывозила меня в какой-нибудь парк, мы сидели на лавочке... И это в 36 лет! Источение нервной системы было такое, что я думал, я умираю. И вот тогда, когда увидели, что я такой, меня отправили в Барвиху, в санаторий. Главный врач, осмотрев меня, сказал: "Э, батенька...". Я не спал 17 суток — просто не мог спать, у меня начались галлюцинации...

— ... Слава Богу, все это уже в далеком прошлом. Поговорим о чем-нибудь более приятном. Ваша музыка сейчас очень часто звучит и на телевидении, и на радио. В декабре состоялись ваши авторские концерты в Большом зале консерватории, в Доме ученых, в январе — в Доме-музее Скрябина.

— Да, это так, хотя некоторое время я был "опальным композитором". Но ко всему этому я отношусь очень философски. Потому что никто не может отнять того, что я написал, сколько бы гадостей не лили на меня мои бывшие так называемые друзья.

После всего пережитого тогда у меня открылось второе дыхание. Я не реагировал ни на хорошее, ни на плохое. Нормально работать — и все. Не радоваться никаким своим удачам, не огорчаться неудачам, просто хладнокровно относиться ко всему. И я воспитал в себе такую выдержку, что... Тем более, я вижу: все гадости в мой адрес настолько конъюнктурного характера, что... мне только жалко этих людей. Из-за своих конъюнктурных соображений они все зачеркнули, забыли все хорошее, что для них сделано — для того, чтобы сказать: "Бывший Хренников". А я себе спокойно работаю.

— Вы собираетесь отмечать свой юбилей?

— Ни в коем случае! Какие там юбилеи! Кому это нужно! Это все — суета. Другое дело — концерты. Но они и сейчас были, и потом, надеюсь, будут. Я очень рад, что есть люди, которые любят то, что я сделал как композитор. Есть люди, которые хотят, чтобы мои сочинения исполнялись как можно чаще, и не жалеют на это денег — ведь сейчас без денег ничего сделать нельзя, нужны спонсоры. Пусть звучит моя музыка — для меня это счастье. А разговоры, речи — никому не нужны.

— В своей книге Вы говорите все, или что-то утаиваете?

— Если бы я говорил все, рассказывал бы о всех людях, с которыми встречался, которых помню — была бы нужна не одна книга, а десять. Но то, что я вспоминаю, я вспоминаю абсолютно искренне. И я выбрал для воспоминаний тех наиболее ярких людей, встречи с которыми в моей жизни сыграли наибольшую роль.

— И все-таки: есть ли такие темы, которые Вы бы не хотели затрагивать в своих воспоминаниях?

— Да нет же, нет ничего, что я хотел бы скрыть. Я могу открыто говорить о ком угодно, не стесняясь говорить о своих впечатлениях — и о музыке, и о жизни. А чего мне стесняться? Мне уже столько лет, что стесняться нечего.

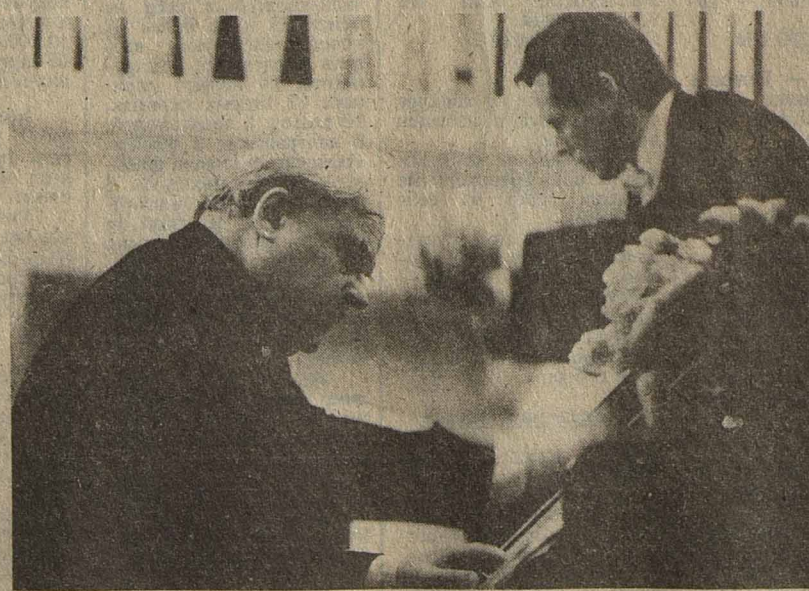


Фото В. Григоровича

Хренников Тихон Николаевич (род. 10 июня 1913 г. в Ельце). В 1936 окончил Московскую консерваторию у В. Шебалина (композиция) и Г. Нейгауза (фортепиано). Профессор Московской консерватории (с 1961). Почетный член Итальянской Тиберианской академии (1976), член-корреспондент Немецкой академии искусств (1978), был председателем Международного музыкального совета при ЮНЕСКО (1977). С 1948 по 1991 — Генеральный (Первый) секретарь Союза композиторов СССР, с 1991 — Сопредседатель координационного совета СК СССР.

Автор опер: "В бурю", "Фрол Скобеев", "Мать", оперы-сказки для детей "Мальчик-великан", комических опер: "Много шума из-за... сердца", "Доротея", "Голый король", оперетты: "Сто чертей и одна девушка", "Белая ночь", балетов: "Ребята с нашего двора", "Любовью за любовь", "Гусарская баллада"; автор трех симфоний, концертов с оркестром (четыре — для фортепиано, двух — для скрипки, двух — для виолончели), романсов на стихи Пушкина, Есенина, Антокольского, Бернса, Шекспира, Бунина, Светлова и др. Написал музыку к спектаклям: "Много шума из ничего", "Без вины виноватые", "Дон-Кихот", "Давным-давно", к фильмам "Свинарка и пастух", "В шесть часов вечера после войны", "Донецкие шахтеры", "Поезд идет на восток", "Верные друзья", "Капитанская дочка", "Гусарская баллада", "Руслан и Людмила" и др. Автор многих инструментальных сочинений.

Герой Социалистического труда, народный артист СССР. Депутат Верховных Советов РСФСР (3 — 5 созывы), СССР (6 — 10 созывы), народный депутат СССР (1989-1991). Член КПСС с 1947 по 20 августа 1991, член ЦК КПСС с 1961, кандидат в члены ЦК КПСС с 1976. Лауреат Сталинских (1942, 1946, 1952) и Ленинской премий (1974), Государственных премий СССР (1967) и РСФСР (1979). Офицер Ордена литературы и искусств Франции.

Сочинения Хренникова печатали Peters, Sikorsky, они записаны на практически всеми ведущими фирмами мира, их исполняли Ш. Мюнш, Л. Стоковский, Ю. Орманди, В. Ферреро, С. Самосуд, Н. Рахлин, Б. Хайкин, К. Кондрашин, Е. Светланов, Л. Коган, Н. Петров...